

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

И БЫТЬ
ПОДЛЕЦОМ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Годхантер Стаут
И БЫТЬ ПОДЛЕЦОМ
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»
Серия «Ниро Вульф»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122633

Рекс Стаут И быть подлецом:
ISBN 978-5-389-19192-1

Аннотация

Ниро Вульф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Во время радиопередачи в прямом эфире один из гостей умирает от яда, добавленного в рекламируемый напиток. Арчи с трудом удается уговорить Вулфа взяться за расследование этого убийства. И тут впервые появляется король преступного мира – Арнольд Зек...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Рекс Стаут

И БЫТЬ ПОДЛЕЦОМ

Rex Stout

AND BE A VILLAIN

Copyright © 1948 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown

UK

and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой

© О. Э. Александрова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

...Надо записать,

Что можно жить с улыбкой и с улыбкой

Быть подлецом...
У. Шекспир. Гамлет. Акт 1, сцена 5¹

---

¹ Перевод М. Лозинского. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава 1

Я в третий раз проверил результаты сложения и вычитания на первой странице формы 1040. После чего развернул свой стул лицом к Ниро Вулфу, который сидел за своим письменным столом справа от меня со сборником стихов парня по имени Ван Дорен, Марк Ван Дорен. В связи с чем я решил щегольнуть поэтичным словом.

– Беспросветно, – сказал я, а когда Вулф не отреагировал, повторил: – Беспросветно. Если я правильно понимаю смысл этого слова. Беспросветно!

Вулф, не отрывая глаз от страницы, пробурчал:

– Что именно беспросветно?

– Цифры. – Я подтолкнул к нему форму 1040 по отполированной столешнице.

– Тринадцатое марта. Четыре тысячи триста двенадцать долларов и шестьдесят восемь центов, помимо четырех квартальных взносов, по финансовым обязательствам уже уплачены.

– Тогда нам остается отправить форму 1040-ES за тысяча девятьсот сорок восьмой год, приложив к ней чек на десять тысяч баксов. – Я сцепил пальцы в замок на затылке и мрачно спросил: – Так беспросветно или нет?

Он спросил меня, каков наш банковский баланс, и я ему все рассказал.

– Конечно, – согласился я, – мы пока сможем отразить два удара упомянутого выше дядюшки Сэма и даже позволить себе краюшку хлеба с тонким слоем селедочной икры, но недели идут, а счета все приходят, я уже не говорю, чтобы не показаться неделикатным, о нашей с Фрицем и Теодором зарплате.

Отложив в сторону томик стихов, Вулф насупился на форму 1040, делая вид, будто считает. Тогда я решил немного повысить голос:

– Впрочем, вам принадлежит этот дом и мебель, за исключением кресла и прочих предметов обстановки в моей комнате, которые я купил на свои деньги. Но вы здесь босс, так что вам виднее. Само собой. Птенчик из электрической компании готов был отвалить вам штуку баксов плюс расходы за решение его проблемы с подлогом, но вас это не заинтересовало. Миссис Как-Ее-Там могла заплатить вдвое больше, целую кучу денег, чтобы вывести на чистую воду того так называемого музыканта, но вы были слишком заняты чтением. Адвокат по фамилии Клиффорд оказался в заднице и вынужден был потратиться на частного сыщика, но вам не понравилось, что у него перхоть. Та актриса и ее покровитель...

– Арчи, заткнись!

– Слушаюсь, сэр. И что вы делаете? Позавчера вы спускаетесь в кабинет, проведя целый день со своими прекрасными орхидеями, и как ни в чем не бывало велите мне выпить

сать еще один здоровенный чек на поддержание штанов мирового правительства. А когда я позволил себе робко заметить, что бухгалтерское дело имеет два основных направления: сперва сложение, а затем вычитание...

– Выйди из комнаты!

Огрызнувшись, я снова повернулся лицом к своему письменному столу, поправил пишущую машинку, вставил лист бумаги с копиркой и начал перепечатывать из сводной бухгалтерской таблицы перечень G до шестой строки перечня C. Время шло, и я продолжал работать, время от времени бросая быстрые взгляды направо – проверить, хватило ли у Вулфа наглости продолжить чтение. Не хватило. Он закрыл глаза и откинулся на спинку огромного кресла, в котором могли бы спокойно уместиться двое, но не в данном случае, оставшись сидеть неподвижно. Обстановка накалялась. Мысленно усмехнувшись, я продолжил работу. И вот уже когда я заканчивал перечень F, дойдя до 16-й строки перечня C, раздался грозный рык Вулфа:

– Арчи!

– Да, сэръ? – Я снова развернулся в кресле.

– Человеку, презиращему подходящий налог, поскольку он нервирует его или вводит в такие расходы, что человек начинает щериться по-собачьи, расплачивается потерей привилегии цивилизованного разговора. Однако вполне позволительно критиковать налоговую систему беспристрастно и обезличенно. Правительство, как и любой человек, тратит

деньги по трем причинам: потому что вынуждено это делать, потому что хочет это делать или потому что ему ничего другого не остается. Последняя причина – самая неубедительная из всех. И конечно, не может не вызывать вопросы тот очевидный факт, что существенная часть этого потока миллиардов, поступающих в Министерство финансов, в результате будет потрачена по самой неубедительной причине.

– Понятно. Итак, мы что-то вычитаем? И как это сформулировать?

Вулф приоткрыл глаза:

– Ты уверен в своих цифрах?

– Даже слишком.

– А ты здорово смухлевал?

– Не слишком. Все в рамках приличия.

– И я должен заплатить названные тобой суммы?

– Или так, или никаких привилегий.

– Отлично! – Вулф вздохнул, на минуту задумался и выпрямился в кресле. – Проклятье! Было время, когда мне хватало тысячи динаров в год. Соедини меня с мистером Ричардсом из Федеральной радиовещательной компании.

Я нахмурился, пытаюсь угадать, а затем, понимая, что сидеть выпрямившись требует у Вулфа значительных затрат энергии, нашел в телефонной книге нужный номер, набрал его и, воспользовавшись именем Вулфа, соединился с Ричардсом меньше чем за три минуты – рекордное для вице-президента время. Вулф взял трубку и, обменявшись

приветствиями, произнес:

– Мистер Ричардс, два года назад, когда вы вручали мне чек в моем кабинете, вы сказали, что, несмотря на внушительный размер суммы в чеке, вы по-прежнему в неоплатном долгу передо мной. Итак, я осмеливаюсь просить вас об ответной любезности. Мне нужна кое-какая конфиденциальная информация. Сколько денег уходит, скажем, в неделю, на радиопрограмму мисс Маделин Фрейзер?

– О... – В разговоре возникла пауза; голос Ричардса, очень теплый, даже дружелюбный, стал чуть-чуть холоднее. – Но вы-то какое имеете к этому отношение?

– Никакого. Ни в коем случае. Но я был бы весьма признателен за конфиденциальную информацию. Или я слишком многого прошу?

– Ситуация для мисс Фрейзер, радиовещательной сети и заинтересованных спонсоров складывается крайне неудачно. Надеюсь, вы сообразовали объяснить мне, почему вас это интересует.

– Полагаю, что нет, – отрезал Вулф. – Простите, что беспокоил...

– Вы меня ничуть не побеспокоили. Я всегда к вашим услугам. Интересующая вас информация не опубликована, но все на радио в курсе. На радио вообще все обо всем знают. Но что конкретно вам нужно?

– Вся сумма, задействованная в проекте.

– Ну... давайте посмотрим... учитывая эфирное время,

программа передается двумястами радиостанциями... продюсирование, талант, сценарии и прочее... примерно тридцать тысяч долларов в неделю.

– Чепуха! – отрезал Вулф.

– Почему же чепуха?

– Проект гигантский. Более полутора миллиона в год.

– Нет. Около миллиона с четвертью с учетом летних отпусков.

– Предположим, что так. Полагаю, мисс Фрейзер получает приличный кусок этого пирога, да?

– Очень даже приличный. И это тоже все знают. Она получает пятьсот в неделю, а вот как она делится со своим менеджером мисс Коппел, никому не известно, по крайней мере мне. – Голос Ричардса снова потеплел. – Послушайте, мистер Вулф, не откажите в любезности сообщить мне чисто конфиденциально, зачем вам эта информация.

Однако Ричардсу удалось добиться лишь слова «спасибо», и, будучи истинным джентльменом, он не стал настаивать на ответной любезности. Вулф положил трубку и сказал мне:

– Боже правый! Миллион двести тысяч долларов!

Я сразу же приободрился, поняв, что он задумал, ухмыльнулся в ответ:

– Да, сэр. Вы наверняка добьетесь успеха на радио. Например, сможете читать стихи. Кстати, если хотите знать, как она зарабатывает на свой кусок пирога, можете послушать

ее каждое утро вторника и пятницы с одиннадцати до двенадцати. И сразу поймете, что к чему. Вы ведь этого хотите, да?

– Нет! – грубо ответил Вулф. – Я хочу заниматься работой, которую умею делать. Доставай свой блокнот. Инструкции будут немного сложнее, принимая во внимание непредвиденные обстоятельства, которые придется учесть.

И я вынул из ящика блокнот.

Глава 2

В субботу после трех безуспешных попыток дозвониться по манхэттенскому номеру Маделин Фрейзер я наконец обратился за помощью к Лону Коэну из «Газетт», и он нарыл для меня, что и мисс Фрейзер, и ее менеджер мисс Дебора Коппел проводят уик-энд в штате Коннектикут.

Как и все законопослушные граждане – очень законопослушные, – я желал удачи полицейскому управлению Нью-Йорка в их борьбе с преступностью, но искренне надеялся, что инспектор Кремер и его специалисты из убойного отдела не закроют дело Орчарда, прежде чем мы узнаем детали. Судя по заметкам в газетах, инспектору Кремеру было еще рано трубить в победные фанфары, хотя никогда не знаешь, какую информацию полиция предпочла утаить. Тем не менее я настроился смотаться в Коннектикут и провести там уик-энд, но Вулф мне это строго-настрога запретил, велел ждать до понедельника.

К полудню воскресенья Вулф, закончив свой сборник поэзии, принялся рисовать лошадей в блокноте для записей, тем самым проверяя теорию, что по тому, как человек рисует лошадь, можно определить его характер. Я заполнил формы 1040 и 1040-ES налоговой декларации, положил вместе с чеками в конверт и отправил. После ланча я немного послушался по кухне, слушая, как Вулф и Фриц Бреннер, шеф-по-

вар и жемчужина нашего дома, спорят на тему о том, можно ли заменить ставридой средиземноморский тунец в вителло тоннато. В исполнении Фрица это самый изысканный деликатес, который готовится из нежнейшей телятины. Когда их спор уже начал меня утомлять, поскольку у Фрица в любом случае не было средиземноморского тунца, я поднялся на верхний этаж, в построенную на крыше оранжерею, где и провел пару часов с Теодором Хорстманом, изучая записи всхожести. После чего, памятуя о том, что в свете свидания с дамой у меня нет на это времени, я спустился в кабинет, взял со своего стола газеты за пять дней и прочел все, что там было, по делу Орчарда.

Закончив чтение, я практически не сомневался, что в понедельник утренние газеты вряд ли ошарашат меня новостью о закрытии данного дела.

Глава 3

Максимум, чего мне удалось добиться по телефону, – это договориться о встрече в 15:00, поэтому именно в это время я вошел в вестибюль многоквартирного дома в районе Семидесятих улиц между Мэдисон и Парк-авеню. Дом был настоящим дворцом, с коврами, которые покупались акрами, однако эффект от них немного портила резиновая дорожка на самом проходе, поскольку тротуары были мокрыми от дождя. Нет, во дворцах так точно не делается. Если на ковре появляется отпечаток грязной подошвы, выкиньте к чертовой матери ковер и постелите другой! Вот это и есть настоящий дворцовый дух.

Я сообщил внушительного вида швейцару, что меня зовут Арчи Гудвин и я направляюсь в квартиру мисс Фрейзер. Швейцар вытащил из кармана клочок бумаги, сверился с записью, кивнул и спросил:

– Что-нибудь еще?

Вытянув шею, я поднес губы к самому его уху и прошептал:

– Овсянка.

Он снова кивнул, махнул рукой лифтеру, стоявшему в пятнадцати шагах от лифта, и произнес хорошо поставленным голосом:

– Десять В.

– А ну-ка расскажите мне поподробнее об этой шутке с паролем, – попросил я. – Так всегда было или пароль ввели после этой истории с убийством?

Швейцар наградил меня ледяным взглядом и повернулся ко мне спиной. Тогда я сказал, обратившись к его спине:

– Это обошлось тебе в пять баксов. А ведь я собирался дать тебе пятерку.

С лифтером я решил вообще не общаться. Он согласился. На десятом этаже я оказался в коробке размером с лифт, еще одна дворцовая обманка, на двери слева значилось 10А, на двери справа – 10В. Лифтер дождался, когда я нажму на кнопку звонка правой квартиры и меня впустят внутрь.

Впустившая меня женщина, которая лет двадцать назад вполне могла быть чемпионом по рестлингу, буквально с порога заявила:

– Простите, но я очень спешу, – и тут же рысцой кинулась прочь.

Я крикнул ей вслед:

– Меня зовут Гудвин!

Но не получил никакого ответа.

Тогда я сделал еще четыре шага, снял пальто и шляпу, кинул их на стул, после чего огляделся по сторонам. Я оказался в большом квадратном помещении наподобие холла, с дверьми слева и в стене напротив. Справа не было ни дверей, ни стены, холл расширялся, переходя в гигантскую гостиную, обставленную не менее чем двадцатью предметами раз-

номастной мебелировки. Мой натренированный глаз обладал способностью ухватить всю картину целиком – от сложной уличной сцены до пятна на мужском воротнике, и хорошо все запомнить, но за описание этой комнаты я запросил бы двойную цену. Двумя наиболее примечательными предметами обстановки были хромо́вая барная стойка, обитая красной кожей, с табуретами в цвет и массивный темный ореховый стол с резными краями и ножками. Именно барная стойка и стол наиболее ярко отражали дух этого места.

В поле зрения никого не было, но я слышал голоса. Я прошел вперед выбрать себе подходящий стул, чтобы сесть, но, не найдя подходящего, устроился на диване десять на четыре фута из зеленой рогожки. Стоявший рядом с диваном стул был обит расшитым розовым шелком. И я уже было начал гадать, какую лошадь нарисовал бы человек, обставлявший эту комнату, когда дверь в дальней стене отворилась и в квадратный холл вошла компания из двух мужчин – один был молодым и красивым, а другой – немолодым и лысым, – оба нагружены фотографическим оборудованием, включая треногу.

– Она выдает свой возраст, – сказал молодой.

– Черт с ним, с возрастом! – ответил лысый. – На ней убийство. На тебе когда-либо висело убийство? – Заметив меня, он спросил своего компаньона: – А это еще кто такой?

– Понятия не имею. Никогда его раньше не видел. – Молодой человек попытался открыть входную дверь, не расте-

рвав поклажи, в чем и преуспел, после чего входная дверь закрылась.

Через минуту открылась другая дверь холла, и на пороге появилась женщина-рестлер. Она направилась в мою сторону, но, поравнявшись со мной, поспешно прошла мимо и исчезла за дверью в углу слева от меня.

Мне уже начало казаться, что мной пренебрегают.

Прошло еще десять минут, и я всерьез разобиделся. Я встал, сделал пару шагов к выходу, но тут открылась дверь в дальнем конце холла, и я остановился. Появившаяся женщина подошла ко мне, причем не рысцой, а легкой походкой, со словами:

– Мистер Гудвин? – (Я ответил утвердительно.) – Я Дебора Коппел. – Она протянула мне руку. – У нас здесь у всех просто голова идет кругом.

Она преподнесла мне два сюрприза. С первого взгляда ее глаза показались мне маленькими и невыразительными, но, когда она повернулась ко мне лицом, я обнаружил, что они большие, очень темные и безусловно пронизательные. И поскольку Дебора была низенькой и толстенькой, я ожидал, что ее рука будет рыхлой и влажной, но рука оказалась твердой и сильной, хотя и маленькой. Черное платье Деборы подчеркивало землистый цвет ее лица. Да и вообще, все, связанное с ней, было черным или серым, за исключением почти белоснежной седины, пробивавшейся в иссиня-черных волосах.

– По телефону вы сказали мисс Фрейзер, что у вас имеется

предложение для нее от Ниро Вулфа.

– Совершенно верно.

– Она очень занята. Впрочем, как всегда. Я ее менеджер.

Вы не против изложить мне суть вашего предложения?

– Я бы с удовольствием, – ответил я. – Но я работаю на мистера Вулфа. А он велел мне переговорить лично с мисс Фрейзер, но теперь, когда я встретил вас, готов рассказать все ей и вам.

Она улыбнулась. Улыбка была дружелюбной, но взгляд стал еще более острым.

– Отличный рекламный ход, – одобрительно сказала она. – Не хочу, чтобы вы из-за меня нарушали инструкции. Это надолго?

– Зависит от обстоятельств. Примерно от пяти минут до пяти часов.

– Только не пять часов. Если можно, покороче. Сюда, пожалуйста.

Она направилась через квадратный холл, я – следом за ней. Мы миновали комнату неясного предназначения, где стояли фортепьяно, кровать и холодильник, а затем, пройдя через дверь в углу, оказались в большой комнате с шестью окнами – три на одной стене и три на другой. Все предметы обстановки, которую отнюдь не назовешь скудной, были или бледно-желтыми, или бледно-голубыми. Голубая мебель и деревянные детали, а ковры, обивка, занавески, покрывало – голубые и желтые. Единственным исключением стали

корешки книг на полках и одежда сидевшего в кресле молодого блондина. Лежавшая на постели женщина вписывалась в общую цветовую гамму голубыми тапочками и лимонным халатом.

Блондин поднялся нам навстречу, буквально на ходу изменив выражение лица. Если сперва он мрачно хмурился, то сейчас его глаза приветливо сияли, а уголки рта сложились в улыбку, способную заставить продавца щеток почернеть от зависти. Похоже, блондин улыбался исключительно в силу привычки, но улыбка осталась без ответа, так как на сей раз именно я собирался кое-что продать.

– Мистер Гудвин, – представила меня Дебора Коппел. – Мистер Медоуз.

– Билл Медоуз. Зовите меня просто Билл. Как и все. – Его рукопожатие оказалось неискренним, хотя рука была сильной. – Значит, вы и есть Арчи Гудвин? Очень приятно! Теперь лишь остается ждать знакомства с самим Ниро Вулфом!

Его прервало чье-то звучное контраalto:

– Мистер Гудвин, у меня сейчас время отдыха, и мне не разрешают вставать. И даже разговаривать не разрешают, но скорее рак на горе свистнет...

Я подошел к кровати и взял протянутую Маделин Фрейзер руку. Маделин улыбнулась. Но не проницательной улыбкой, как у Деборы Коппел, или искусственной ухмылкой Билла Медоуза, а очень тепло и сердечно. Взгляд серо-зеленых глаз мисс Фрейзер не казался оценивающим, хотя она

явно пыталась меня оценить, в чем я не сомневался. Она была стройной, но не тощей и в лежачем положении выглядела довольно высокой. Ее лицо, без следов косметики, отнюдь не вызывало желания отвернуться – чертовски хорошо для женщины около сорока, а скорее, далеко за сорок, тем более что лично я не вижу особого смысла глазеть на тех особ женского пола, кому уже за тридцать.

– Знаете, – сказала мисс Фрейзер, – мне уже давно хотелось... Билл, принеси стулья... Пригласить Ниро Вулфа в качестве гостя в свою программу.

Она произнесла это как опытная радиоведущая: разорвав фразу, чтобы она звучала естественнее, однако интонационно оформив ее таким образом, чтобы она дошла до слушателей любого возраста с соответствующим уровнем умственного развития.

– Боюсь, – ухмыльнулся я, – он не согласится, если только вы не протянете провода, чтобы вести трансляцию прямо из его кабинета. Вулф никогда не выходит из дома по делу, его оттуда и на аркане не вытащишь.

Я сел на один из стульев, что принес Билл, а они с Деборой Коппел устроились на двух оставшихся.

– Да, я в курсе. – Маделин Фрейзер перевернулась на бок лицом ко мне и выставила бедро, обтянутое тонким желтым халатом, сразу показавшись чуть менее стройной. – Скажите, это просто рекламный трюк или ему действительно нравится?

– Думаю, и то и другое. Он страшно ленивый и до смерти боится движущихся объектов, особенно на колесах.

– Чудесно! Расскажите нам о нем.

– Лина, в другой раз, – вмешалась Дебора Коппел. – У мистера Гудвина есть для тебя интересное предложение, а у тебя завтра эфир, и ты еще даже не взглянула на сценарий.

– Господи, неужели сейчас понедельник?

– Понедельник, и уже половина четвертого.

Примадонна радиоэфира резко села на кровати, словно получив хороший тычок в спину.

– Какое предложение? – поинтересовалась она, снова хлопнувшись на спину.

– Кое-что случилось в субботу, что заставило его подумать об этом. Наша великая нация его обидела. Обидела два раза. Мартовские обиды, так сказать.

– Подходящий налог? У меня тоже. Но какого...

– Отлично сказано! – воскликнул Билл Медоуз. – Где вы это взяли? Услышали по радио?

– Вроде бы нет. Придумал это вчера утром, когда чистил зубы.

– Мы заплатим вам за это десять баксов... нет, погодите минуту. – Он повернулся к Деборе. – Какой процент нашей аудитории когда-либо слышал о Мартовских идах?

– Полпроцента, – ответила она так, словно озвучивала официальные статистические данные. – Все, проехали.

– Готов отдать вам за доллар, – расщедрился я. – Пред-

ложение мистера Вулфа обойдется вам гораздо дороже. Он, как и все лица с высоким доходом, сидит без гроша. – Я поймал на себе удивленный взгляд серо-зеленых глаз Маделин Фрейзер. – Вулф предлагает вам нанять его для расследования убийства Сирила Орчарда.

– Господи, и он туда же! – Билл Медоуз закрыл лицо руками.

Дебора Коппел посмотрела на него и с тяжелым вздохом перевела взгляд на Маделин Фрейзер. Мисс Фрейзер покачала головой и буквально на глазах постарела. Сейчас ей явно не повредила бы косметика.

– Мы решили, – сказала она, – единственное, что мы можем сделать, – забыть все как страшный сон. И между собой постановили вообще не затрагивать эту тему.

– Что было бы замечательно и вполне разумно, – согласился я, – если бы вы могли заставить остальных, включая копов и репортеров, подчиниться вашему правилу. Мало того что невозможно запретить людям говорить о добром старом убийстве, даже самом банальном, это к тому же еще и очень хорошее шоу. Возможно, вам до конца не понять, насколько хорошее. У вашей программы восьмимиллионная аудитория слушателей, дважды в неделю. У вас в гостях побывали «жучок» с ипподрома и профессор математики из крупного университета. И вот в середине программы один из них производит жуткие звуки в микрофон и отбрасывает коньки, отравившись прямо во время эфира ядом, оказавшим-

ся в продукте одного из ваших спонсоров. – Я покосился на сидевшую возле меня парочку, после чего метнул взгляд на лежавшую на кровати женщину. – Я ожидал встретить здесь любую реакцию, но только не такую. Может, вы еще не знаете, хотя и следовало бы, что такие случаи невозможно замолчать ни через неделю, ни через двадцать лет, если вопрос о том, кто подсыпал яд, остается открытым. И даже двадцать лет спустя люди будут спорить, кто это был: Маделин Фрейзер, или Дебора Коппел, или Билл Медоуз, или Натан Трауб, или Ф. О. Саварезе, или Элинор Вэнс, или Нэнсили Шеферд, или Тулли Стронг...

Дверь распахнулась, вошла женщина-рестлер и на одном дыхании объявила:

– Мистер Стронг здесь.

– Спасибо, Кора. Пусть войдет, – велела мисс Фрейзер.

Меня наверняка удивило бы несоответствие внешности Тулли Стронга его фамилии, если бы я раньше не видел его фотографий в газетах. В общем он полностью соответствовал своим фото: очки без оправы, тонкие губы, длинная шея, прилизанные волосы, – однако во плоти он не выглядел таким тупым и безучастным, как на фотографиях. Я успел все это подметить, пока он здоровался с присутствующими, еще не успев повернуться ко мне.

– Мистер Стронг, – объяснила мне Дебора Коппел, – секретарь наших спонсоров.

– Советник.

– Да, я знаю.

– Мистер Гудвин, – сказала Дебора Коппел, – пришел с предложением от Ниро Вулфа. Мистер Вулф – частный детектив.

– Я в курсе. – Тулли Стронг мне улыбнулся, но у человека с такими тонкими губами, как у него, улыбка получилась похожей на гримасу, особенно когда он добавил: – Мы оба знамениты, не так ли? Но вы, конечно, привыкли к сиянию софитов, что для меня несколько непривычно. – Он сел. – И что предлагает нам мистер Вулф?

– Он считает, мисс Фрейзер должна нанять его для расследования убийства Сирила Орчарда.

– Проклятый Сирил Орчард! – Если раньше это можно было назвать улыбкой, то на сей раз я увидел самую настоящую гримасу. – Что б он горел в аду!

– Ну это уж вы хватили! – возразил Билл Медоуз. – Тем более что он, возможно, уже там.

Пропустив слова Медоуза мимо ушей, Стронг обратился ко мне:

– Нежели нам мало проблем с полицией, чтобы нанимать еще и специального человека?

– Да, полиция еще тот геморрой, – согласился я. – Но это слишком близорукий подход. Все ваши беды от того, кто подсыпал яд в «Старлайт». Как я уже говорил до вашего появления, проблемы будут продолжаться годами, пока мы не похлопаем убийцу по плечу. Конечно, полиция вполне спо-

собна его поймать, но прошло уже шесть дней, а воз и ныне там. И тот, кто решит проблему, расставит наконец все по своим местам. Вы в курсе, что мистер Вулф чрезвычайно умен, или вам рассказать поподробнее?

– Я надеялась, – вмешалась в разговор Дебора Коппел, – что предложение мистера Вулфа будет более конкретным. Что у него есть какая-то... идея.

– Нет. – Я решил расставить точки над «i». – Его единственная идея – получить гонорар в двадцать тысяч долларов за решение проблемы.

Билл Медоуз присвистнул. Дебора Коппел мне улыбнулась. Тулли Стронг возмутился:

– Двадцать тысяч!

– Лично я пас. – Маделин Фрейзер тоже решила расставить точки над «i». – Мистер Гудвин, мне пора готовиться к следующей передаче.

– Нет, погодите минутку, – попросил я. – Я изложил только один способ решения проблемы, и отнюдь не лучший. Давайте взглянем на вещи с другой стороны. Вы и ваша программа получили благодаря этому отличную рекламу. Ведь так?

Маделин застонала:

– Господи боже мой, реклама! И он называет это рекламой!

– Так оно и есть. – Я твердо стоял на своем. – Но только работает она в другую сторону. И будет и дальше работать,

хотите вы того или нет. Завтра ваше имя вновь появится в заголовках на первых полосах газет. И здесь вы совершенно бессильны, однако вам решать, о чем будут говорить заголовки. Вы отлично знаете, что там будет сказано. Но что, если завтра все заголовки будут кричать о том, что вы наняли Ниро Вулфа расследовать убийство гостя вашей программы, так как жаждете восстановить справедливость? В статье будут изложены все пункты нашего соглашения: вы обязуетесь оплатить наши накладные расходы – естественно, нераздутые, мы никогда не раздуваем счетов, – и это все, что вам придется заплатить, пока мистер Вулф не предъявит доказательства виновности убийцы. И если он это сделает, вы заплатите ему двадцать тысяч долларов. Ну как, устраивают вас подобные заголовки? И какой это станет рекламой, пусть и негативной? Какой процент вашей аудитории в частности, да и всей публики в целом это сможет убедить не только в вашей невинности, но и в том, что вы героиня, готовая пожертвовать целым состоянием ради торжества справедливости? Девяносто девять с половиной процента. И очень мало кто задумается о том, что и накладные расходы, и сумма гонорара будут вычтены из вашего подоходного налога, а с вашим уровнем дохода это составит без малого четыре тысячи долларов. В глазах общества вы больше не будете одной из подозреваемых в сенсационном убийстве, за которой идет охота, а наоборот, станете предводителем людей, ведущих охоту на убийцу. – Я всплеснул руками. – Вы получите все,

мисс Фрейзер, даже если у мистера Вулфа произойдет самый крутой провал в карьере и вам придется оплатить лишь накладные расходы. Но по крайней мере, никто не скажет, что вы даже и не пытались. Короче, очень выгодная сделка. Вулф никогда не берется за дела с оплатой по результату, однако, когда ему нужны деньги, он нарушает правила, особенно собственные.

Маделин Фрейзер закрыла глаза, а потом открыла их, и ее улыбка снова стала сердечной.

– Судя по вашим словам, это действительно выгодная сделка. Что скажешь, Дебби?

– Скажу, что идея мне нравится, – осторожно ответила мисс Коппел. – Нужно будет обсудить ее со студией, агентствами и спонсорами.

– Мистер Гудвин...

– Да, мистер Стронг?

Тулли Стронг снял очки и растерянно заморгал.

– Вы ведь понимаете, что я только секретарь совета спонсоров программы мисс Фрейзер и у меня нет реальных полномочий. Но я знаю, что они на этот счет думают, в частности двое из них, и, конечно, мой долг – незамедлительно сообщить им о нашем разговоре. И не для протокола хочу сообщить вам, что они, весьма вероятно, примут предложение мистера Вулфа. Чтобы произвести благоприятное впечатление на публику, они наверняка сочтут желательным заплатить мистеру Вулфу из своего кармана на вышеупомяну-

тых вами условиях. Опять же не для протокола, полагаю, в этом будут особо заинтересованы производители «Старлайта». Того самого бутилированного напитка, в который подсыпали яд.

– Да, я в курсе. – Я оглядел лица присутствующих. – Признаюсь, я в некоторой растерянности. Я рассчитывал прямо сейчас заключить сделку с мисс Фрейзер, однако мисс Коппел хочет обсудить условия с остальными, а теперь вот и мистер Стронг говорит о возможном желании спонсоров принять участие. Проблема в задержке. Убийство произошло шесть дней назад, и мистеру Вулфу нужно приступить к работе немедленно. Желательно сегодня, самое позднее – завтра.

– Тем более, – улыбнулся мне Билл Медоуз, – что Вулфу нужно обогнать копов и держаться на шаг впереди, если он хочет собрать доказательства. Мне так кажется... Привет, Элиноор! – Он поспешно встал с места. – Как поживаешь?

Вошедшая в комнату девушка, небрежно кивнув, что-то ему ответила и стремительным шагом направилась к постели. Я сказал «девушка», потому что, хотя Элиноор Вэнс, судя по информации в газетах, уже имела за плечами диплом колледжа Смит, написанную и почти поставленную пьесу и два года работы сценаристом для программы Маделин Фрейзер, она выглядела так, будто ей оставалось по крайней мере лет восемь до поставленного мной предельного срока. А когда Элиноор приблизилась, я обнаружил, что она относится к то-

му редкому типу женщин, которые умудряются выглядеть привлекательно, несмотря на хронический недосып и крайнее изнеможение.

– Лина, прости, что опоздала, – запыхавшись, сказала она, – но меня весь день продержали в офисе окружного прокурора... Мне никак не удавалось им втолковать... Они ужасные, эти люди... – Она замолчала, внезапно ее затрясло.

– Да пошли они все к черту! – расвирепел Билл Медоуз. – Пойду принесу тебе выпить.

– Билл, я сам ей налью, – отозвался из угла комнаты Тулли Стронг.

– Садись ко мне на кровать. – Мисс Фрейзер поджала ноги.

– Уже почти пять часов, – подала голос мисс Коппел. – Или мы приступаем к работе прямо сейчас, или я звоню и отменяю завтрашнюю передачу.

Я встал и посмотрел сверху вниз на Маделин Фрейзер:

– Ну так как? Мы можем прямо сегодня урегулировать вопрос?

– Ума не приложу как. – Она погладила Элинор Вэнс по плечу. – Нам нужно готовиться к передаче, посоветоваться с людьми...

– Тогда завтра утром?

Тулли Стронг протянул Элинор Вэнс стакан и, повернувшись ко мне, сказал:

– Я позвоню вам завтра. Если получится, еще до полудня.

– Чем раньше, тем лучше, – многозначительно ответил я.

Глава 4

Сам того не желая, я определенно превратил это дело в рынок с благоприятной конъюнктурой.

Правда, в тот понедельник единственный успех был достигнут не благодаря перспективным покупателям, а благодаря звонку инспектора Кремера из убойного отдела, который позвонил как раз перед тем, как Фриц позвал нас с Вулфом обедать. Ничего сверхъестественного.

Кремер по-простому попросил к телефону Вулфа и спросил его прямо в лоб:

– Кто платит вам за дело Орчарда?

– Никто, – отрезал Вулф.

– Никто? Выходит, Гудвин прокатился на вашем автомобиле до Семьдесят восьмой улицы лишь для того, чтобы проверить шины?

– Это мой автомобиль, мистер Кремер, и я плачу за содержание дорог.

Разговор закончился ничьей, и мы с Вулфом отправились в столовую есть жареные креветки и пирожки с устрицами, к которым Фриц подал уже успевшую стать привычной густую сметанную подливку с грибами.

Веселье началось во вторник утром с первым телефонным звонком, раздавшимся еще до того, как Вулф спустился в кабинет. Это вовсе не означало, что солнце еще не взо-

шло, поскольку с девяти до одиннадцати утра у Вулфа было свидание в оранжерее с Теодором и орхидеями. Первым позвонил Ричардс из Федеральной радиовещательной компании (ФРК). В моей компетенции было решать, стоило ли тревожить оранжерею, но, похоже, стоило, поскольку мистер Ричардс позавчера оказал нам любезность. Когда я соединил мистера Ричардса с Вулфом, оказалось, что Ричардс всего лишь собирался представить еще одного вице-президента ФРК – мистера Бича, который, со своей стороны, только собирался спросить, какого черта Вулф не обратился со своим предложением помочь в расследовании убийства прямо в ФРК. Правда, мистер Бич сформулировал вопрос несколько в ином ключе и вполне корректно. После этого разговора, который я слушал, как и было велено, по параллельному телефону, создалось ощущение, будто ФРК многие годы только спала и видела, как бы дать Вулфу возможность получить свой кусок пирога. Вулф разговаривал крайне вежливо, но извиняться не стал.

Вторым позвонил Тулли Стронг, секретарь совета спонсоров. С ним я разговаривал лично. Он выразил надежду, что мы еще не заключили соглашений с мисс Фрейзер, или с радиовещательной компанией, или с кем-либо другим, поскольку, как ему кажется, некоторые спонсоры заинтересовались, а один из них – даже очень. Этот спонсор, по секрету сообщил мне Тулли Стронг, – представитель компании «Старлайт»; он собирался отстаивать свое эксклюзивное

право пригласить Вулфа, так как яд подсыпали именно в бутылку «Старлайта» – Напиток Твоей Мечты. Я пообещал дословно передать информацию Вулфу, когда тот спустится в одиннадцать утра.

Третьим оказался Лон Коэн из «Газетт», который сообщил, что по городу курсируют кое-какие слухи и вообще мне не следует забывать о том, что он ради меня свернул горы, разыскивая адрес Маделин Фрейзер, после чего поинтересовался, как в данный момент обстоят наши дела. Я перекинулся с Лоном парой слов.

Четвертым позвонил человек с хорошо поставленным низким голосом, назвавшийся Натаном Траубом. Его имя в числе прочих было хорошо знакомо публике по газетным публикациям. Я, естественно, тоже читал газеты, а потому знал, что Натан Трауб возглавлял рекламное агентство, представлявшее интересы трех спонсоров Маделин Фрейзер. Он говорил немного смущенно, по крайней мере, делал вид, однако, насколько я понял, агентство считало безнравственным, чтобы Вулф заключал какие-либо сделки с заинтересованными сторонами, не получив добро от агентства. Поскольку на своем веку мне довелось встречать немало представителей рекламных агентств, я пришел к выводу, что этим людям стоит держаться подальше от заключения каких бы то ни было сделок. Я ответил Натану Траубу, что, возможно, мы свяжемся с ним позже.

Пятой была Дебора Коппел. Она сообщила, что у мисс

Фрейзер через двадцать минут эфир и ей некогда проконсультроваться с нужными людьми, однако она склоняется принять предложение мистера Вулфа и до конца дня даст ответ.

Итак, к одиннадцати утра, когда Вулф спустился вниз, а я включил радио, настроив его на волну ФРК, на рынке действительно сложилась благоприятная конъюнктура.

Пока шла программа Маделин Фрейзер, Вулф сидел с закрытыми глазами за письменным столом, откинувшись на спинку кресла. Но мне что-то не сиделось на месте, и я кружил по комнате, отвлекаясь на телефонные звонки. Билл Медоуз, естественно, вел передачу вместе с мисс Фрейзер в качестве соведущего, так сказать на подпевках, потому что это было его работой. Гостями программы стали известный модельер и кто-то из первого десятка самых стильных женщин Америки.

Гости, как и все знаменитости, вели себя отвратительно, и Биллу нечем было особо похвастаться, но Фрейзер, что там ни говори, оказалась, как всегда, на высоте. Приятный голос, правильные интонации, и, даже когда она рекламировала мыло «Белая береза», не возникало желания выключить приемник. В пятницу на прошлой неделе я слушал мисс Фрейзер впервые, без сомнения, как и несколько миллионов слушателей, и готов был снять перед ней шляпу за то, что она, хотя эта история ее явно допекла, провела эфир без сучка без задоринки.

В студии наверняка стало еще жарче, когда во время программы принесли бутылки со «Старлайтом», который затем разлили по стаканам для гостей, а также для Билла Медоуза и самой мисс Фрейзер. Не знаю, кто принял такое решение в прошлую пятницу – первый эфир мисс Фрейзер после смерти Орчарда, – но если это сделала она, то у нее явно стальные нервы. Впрочем, кто бы ни принял такое решение, править бал предстояло именно мисс Фрейзер, и она выполнила все безукоризненно, словно той печально известной бутылки «Старлайта», из-за которой кто-то блевал, истошно вопил, хватался за воздух, дергался в конвульсиях и в результате умер, не было и в помине.

Ни единой фальшивой ноты, ни единой запинки или заминки, ничего; собственно, здесь я должен признать, что Билл тоже неплохо справился со своей ролью. А вот гости были ужасны, хотя мы уже успели привыкнуть к подобному стилю поведения.

Когда передача закончилась и я выключил радиоприемник, Вулф пробормотал:

– Чрезвычайно опасная женщина.

Его слова впечатлили бы меня куда больше, если бы я не знал, что, по глубочайшему убеждению Вулфа, все женщины делятся на чрезвычайно опасных и чрезвычайно тупых. Поэтому я просто заметил:

– Если вы считаете ее чертовски умной, то должен с вами согласиться. Она на редкость хороша.

Вулф покачал головой:

– Я имею в виду цель, ради которой она использует свой ум. Взять, к примеру, эту жуткую готовую смесь для печенья! Мы с Фрицем ее попробовали. И фирма по производству смеси еще имеет наглость носить название «Сладости»! Фи. А этот мерзкий салатный соус... Мы его тоже попробовали, когда у нас возникла критическая ситуация. Бог его знает, как такие вещи влияют на желудок, но эта женщина хитроумно и целенаправленно ведет подрывную работу, прививая миллионам людей дурной вкус к еде. Ее необходимо остановить!

– Ладно, остановите ее. Пришейте ей убийство. Хотя, должен признаться, увидев...

И тут зазвонил телефон. Мистер Бич из ФРК интересовался, успели ли мы дать какие-либо обещания Тулли Стронгу или кому бы то ни было, связанному со спонсорами, и если да, то кому и что именно? Удовлетворив любопытство мистера Бича, я сказал Вулфу:

– Думаю, было бы неплохо подключить Сола, Орри и Фреда...

Телефон снова зазвонил. Звонил некто по фамилии Оуэн. Он назвался директором по связям с общественностью компании «Старлайт» и попросил разрешения приехать на Западную Тридцать пятую улицу поговорить с Ниро Вулфом. С трудом отделившись от него, я повесил трубку. После чего Вулф, откупорив принесенную Фрицем бутылку пива, отве-

тил:

– Я должен сперва узнать, что происходит. Если выяснится, что полиция валяет дурака...

Зазвонил телефон. Это был Натан Трауб из рекламного агентства, который хотел быть в курсе дела.

Телефон звонил до самого ланча, во время ланча и после ланча. Они потратили чертову уйму времени, пытаясь прийти к заключению, как им делить лавры. Вулф уже начал всерьез раздражаться. Впрочем, и я тоже. Время с четырех до шести дня Вулф обычно проводил наверху с орхидеями, и вот, когда он уже направился из кабинета к лифту в прихожей, мы узнали, что в офисе Бича в здании ФРК на Сорок четвертой улице состоялась всесторонняя встреча.

И вот на этой-то встрече они сдали карты и быстренько их раскрыли, поскольку на часах еще не было пяти, когда телефон зазвонил снова. Я взял трубку и услышал знакомый голос:

– Мистер Гудвин? Это Дебора Коппел. Все устроено.

– Отлично. И как?

– Я говорю от имени мисс Фрейзер. Было принято решение, что вы все узнаете от нее, через меня, поскольку она первая получила ваше предложение. Мы хотим поставить вас в известность, какие условия для нее приемлемы. Юрист ФРК уже готовит соглашение, которое должно быть подписано мистером Вулфом и другими сторонами.

– Мистер Вулф терпеть не может подписывать документы, составленные юристами. Десять к одному, что он не подпишет. Он наверняка настоит на том, чтобы надиктовать мне текст соглашения, поэтому вы вполне можете сообщить мне детали.

– Тогда кто-нибудь другой может отказаться его подписать, – возразила она.

– Исключено, – заверил я мисс Коппел. – Люди, которые называли нам весь день, подпишут все, что угодно. Итак, каковы условия соглашения?

– Все, как вы и хотели. То, что вы изложили в разговоре с мисс Фрейзер. Никто не возражал. Единственное, что обсуждалось, – это как разделить искомые суммы. Мы пришли к следующему...

Пока Дебора Коппел говорила, я делал записи в блокноте, и вот что у меня получилось:

	Процент расходов	Доля в гонораре
«Старлайт»	50	\$10 000
ФРК	28	5500
М. Фрейзер	15	3000
Мыло «Белая береза»	5	1000
«Сладости»	2	500
	100	\$20 000

Позвонив Деборе Коппел, чтобы проверить цифры, я в

конце концов заявил:

– Нас устраивает, если это устраивает мисс Фрейзер. Она удовлетворена?

– Она согласилась, – ответила Дебора. – Конечно, она предпочла бы заплатить сама, но, учитывая обстоятельства, это было невозможно. Да, она удовлетворена.

– Хорошо. Мистер Вулф продиктует условия соглашения, вероятно, в форме письма. И все заинтересованные стороны получают по копии. Что, впрочем, пустая формальность. Более того, мистер Вулф уже хочет приступить к работе. Ведь мы знаем только то, что было в газетах. Если верить газетным статьям, имеется восемь человек, которых полиция рассматривает в качестве... э-э-э... подозреваемых. Их имена...

– Я знаю их имена. Включая и мое тоже.

– Конечно знаете. Не могли бы вы пригласить их сюда, в дом Вулфа, в половине девятого вчера?

– Всех?

– Да, мэм.

– Но неужели это так уж обязательно?

– Мистер Вулф считает, что да. Он передает свои пожелания через меня так же, как мисс Фрейзер – через вас. Кстати, должен вас предупредить, он может быть жутко вредным, когда речь идет о высоких гонорарах. Обычно, когда вы нанимаете человека сделать для вас какую-то работу, он считает вас боссом. Но когда вы нанимаете Вулфа, он считает боссом себя. Вулф – гений, что проявляется и таким обра-

зом. Вы можете или принять все как есть, или попробовать бороться. Вам нужна реклама или выполненная работа?

– Мистер Гудвин, давайте не будем друг друга расстраивать. Конечно, нам нужна выполненная работа. Лично я не знаю, удастся ли нам заполучить профессора Саварезе. А эта девчонка Шеферд такая вредная, что мистеру Вулфу до нее далеко.

– Так вы соберете всех, кого сможете? В половине девятого. И держите меня в курсе.

Она согласилась. Повесив трубку, я позвонил Вулфу по внутреннему телефону сказать, что мы завершили продажу.

Как вскоре выяснилось, мы еще кое-что и прикупили. Без двадцати пяти шесть, то есть всего через сорок пять минут после моего разговора с Дебби Коппел, раздался звонок в дверь. Иногда дверь открывает Фриц, иногда – я, если у меня нет неотложных дел. Итак, я прошел в прихожую и распахнул парадную дверь.

На крыльце меня ждал сюрприз. Передо мной стоял какой-то франт в пальто, достойном герцога. Слева от франта топтался краснолицый упитанный джентльмен. За ними располагалась группа из трех человек с футлярами и сумками в руках. Когда я осмыслил представшее моим глазам зрелище, то прикрыл дверь, подперев плечами дверной проем.

– Мы хотели бы видеть мистера Ниро Вулфа, – развязно заявил франт в шикарном пальто.

– Он сейчас занят. Я Арчи Гудвин. Чем могу помочь?

– Определенно можете! Я Фред Оуэн. Ответственный за связи с общественностью в компании «Старлайт». – Он протянул руку, и мне пришлось ее пожать. – А это мистер Уолтер Б. Андерсон. Президент компании «Старлайт». Мы можем войти?

Я потряс руку президента, продолжая блокировать дверь.

– С вашего позволения, – сказал я, – мне было бы гораздо легче, если бы вы намекнули о цели вашего визита.

– Ну конечно, с превеликим удовольствием! Я непременно позвонил бы, но нужно было спешить, чтобы материал попал в утренние газеты. Поэтому я уговорил мистера Андерсона, пригласил фотографов, и вот мы здесь. Это займет не более десяти минут. Мы просто хотим, чтобы фотографии запечатлели, как мистер Андерсон смотрит на мистера Вулфа в момент подписания соглашения, или наоборот. А потом они обмениваются рукопожатием или, дружно наклонившись, разглядывают какой-то предмет, подпись под которым может гласить, что это ключ к разгадке убийства.

– Чудненько! – ухмыльнулся я. – Но, черт побери, только не сегодня! Мистер Вулф порезался во время бритья, щека у него заклеена пластырем, поэтому мистер Вулф, при своем непомерном тщеславии, вряд ли позволит направить на себя объектив фотокамеры.

Вот наглядный пример того, как низко может пасть человек из-за денег. Я имею в виду себя. Самым правильным было бы скинуть их с крыльца на тротуар, особенно франта,

чтобы они пересчитали все семь ступенек. И почему я этого не сделал? Десять штук баксов. А может, даже все двадцать, ведь если представители «Старлайта» оскорбятся, то сорвут сделку.

Усилие, а именно необходимость поступиться принципами, которое потребовалось, чтобы помешать им войти в дом, не слишком при этом разозлив, привело меня в определенное состояние духа, уже позже обусловившее мою реакцию на слова Вулфа, после того как я объяснил ему основные положения соглашения, на котором остановились наши клиенты.

– Нет. Я не согласен. – Вулф был излишне эмоционален. – Я не подпишу соглашение, одной из сторон которого являются эти самые «Сладости».

Я отлично знал, что это вполне разумно и даже благородно. Однако сейчас меня задел именно тот факт, что я не задумываясь поступился принципами, а вот Вулф – нет.

– Замечательно. – Я сердито посмотрел на него и вскочил с места. – Все, я увольняюсь. Вы слишком заносчивый, слишком эксцентричный и слишком толстый, чтобы я мог на вас работать.

– Арчи, присядь.

– Нет.

– Да. Я не толще, чем был пять лет назад. Да, я стал намного заносчивее, но ведь и ты тоже. Хотя почему бы и нет, черт возьми?! В один прекрасный день наступит кризис. То-

гда или ты станешь совершенно невыносимым, и я тебя уволю, или я стану совершенно невыносимым, и ты уволишься сам. Но этот день еще не настал, о чем ты прекрасно знаешь. Так же как и то, что я скорее стану полицейским под началом у мистера Кремера, чем соглашусь принять предложение от фирмы, носящей название «Сладости». Твоя работа вчера и сегодня была в высшей степени удовлетворительной.

– Не подмазывайтесь ко мне.

– Чепуха! Повторяю еще раз: за пять лет я совершенно не поправился. Сядь и достань блокнот. Мы представим соглашение в виде письма, адресованного всем сразу. И они смогут подписать наш экземпляр. А вот «Сладости» мы, пожалуй, исключим, – Вулф скорчил недовольную рожу, – и добавим два процента и пятьсот долларов Федеральной радиовещательной компании.

Что мы и сделали.

К тому времени как Фриц позвал нас обедать, нам уже успели позвонить Дебора Коппел и остальные. Итак, вечеринка была назначена.

Глава 5

На первом этаже старого дома Вулфа из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, неподалеку от Гудзона, четыре комнаты. Если войти в дом через парадную дверь, поднявшись на крыльцо, то справа можно увидеть массивную старинную дубовую вешалку с зеркалом, лифт, лестницу и дверь в столовую. Слева расположены двери в гостиную, которой мы не так уж часто пользуемся, и в кабинет. Дверь в кухню находится в конце коридора.

Кабинет вдвое больше любой другой комнаты в доме. Это, в сущности, наша гостиная, и, поскольку Вулф в основном проводит время именно тут, пришлось уступить ему право расставлять мебель и аксессуары по своему усмотрению: ни одна вещь не может здесь остаться, если ему неприятно на нее смотреть. Ему нравится контраст между письменным столом вишневого дерева и изготовленным по эскизам Мейера креслом с обивкой тканью из кардной пряжи. Яркую обивку дивана приходится чистить два раза в неделю, но Вулфу нравится канареечный цвет. Стоящий возле полок трехфутовый глобус слишком большой даже для такой просторной комнаты, но Вулфу нравится на него смотреть. Он так любит удобные кресла, других в доме не держит, хотя сидит исключительно в своем.

Итак, в тот вечер некоторые из наших гостей хорошо

устроились, по крайней мере, по мнению остальных. Гостей было девять: шестеро – званых и трое – незваных.

Из восьми человек, обещанных мне Деборой Коппел, не было лишь Нэнсили Шеферд, которую не известили, и профессора Ф. О. Саварезе, не сумевшего прийти. Тремя незваными гостями оказались Андерсон и Оуэн – президент «Старлайта» и пиар-менеджер соответственно, которых поначалу я не пустил дальше крыльца, а также Бич, вице-президент «Старлайта».

В девять вечера компания уже была в сборе, и присутствующие, заняв свои места, смотрели на Вулфа. Все прошло гладко, если не считать незначительных трений, возникших между мной и Андерсоном. Лучшим креслом, не считая того, на котором сидел Вулф, было красное кожаное, стоявшее возле письменного стола Вулфа. Андерсон с ходу его приметил и поспешил занять. А когда я вежливо попросил Андерсона переместиться в другой конец комнаты, он на меня окрысился, заявив, что ему и здесь неплохо.

– Но это кресло, так же как и те, другие, зарезервированы исключительно для кандидатов, – объяснил я.

– Кандидатов на что?

– На ведущие роли в процессе по делу об убийстве. Мистер Вулф захочет их сгруппировать, чтобы они были у него на глазах.

– Ну тогда посадите их как-нибудь по-другому. – Он не сдвинулся с места.

– Я не могу попросить вас предъявить билет, – многозначительно произнес я, – потому что это частный дом и вы явились без приглашения. А значит, моим единственным аргументом является пожелание хозяина дома.

Он наградил меня злобным взглядом, но, ни слова не говоря, встал и пересел на диван.

Я подвел Маделин Фрейзер к красному кожаному креслу, позволив другим пяти кандидатам рассестся полукругом перед письменным столом Вулфа. Бич, который стоя разговаривал с Вулфом, выбрал кресло возле дивана. Оуэн присоединился к боссу, поэтому я предоставил троих непрошенных гостей самим себе, как и должно было быть.

Вулф обвел глазами полукруг, начиная с кресла мисс Фрейзер.

– Вы наверняка найдете процедуру весьма утомительной, – начал разговор Вулф. – Я только приступаю к данному делу, и мне придется вернуться к деталям, о которых вам уже осточертело говорить. Поскольку имеющаяся у меня информация получена из газет, она в основном является неточной и отчасти ложной. Уж не знаю, как часто вам придется меня поправлять.

– Все зависит от того, – улыбнулся Натан Трауб, – какую газету вы читали.

Трауб, человек из агентства, был единственным из всех шестерых, кого я раньше не видел. Я только слышал по телефону его хорошо поставленный низкий голос, когда он го-

ворил мне, что все дела нужно вести через него. Он оказался намного моложе, чем я думал, примерно одних лет со мной, но во всем остальном – именно таким, как я и ожидал. Основная разница между двумя руководителями рекламных агентств состоит в том, что один отправляется покупать костюм в «Брукс бразерс» утром, а другой – днем. Все зависит от расписания совещаний. Лично Трауб купил себе двубортный серый костюм, сочетающийся с его темными волосами и здоровым цветом лица.

– Я прочел их все. – Вулф снова обвел глазами присутствующих слева направо. – Когда понял, что хочу заняться этим делом. Кстати, полагаю, вы знаете, кто меня нанял и зачем.

Кое-кто кивнул.

– Да, знаем, – сказал Билл Медоуз.

– Хорошо. Тогда вы знаете, почему я терплю присутствие мистера Андерсона, мистера Оуэна и мистера Бича. Заинтересованными сторонами на девяноста пять процентов являются они трое, ну и, конечно, мисс Фрейзер. Отсутствуют только рекламодатели мыла «Белая береза».

– Они не отсутствуют, – возмутился, хотя и в рамках приличия, Натан Трауб. – Я могу говорить от их имени.

– Я бы предпочел, чтобы вы говорили от своего имени, – отрезал Вулф. – Клиенты здесь, чтобы слушать, а не говорить. – Упершись локтями в подлокотники кресла, Вулф сложил руки домиком и, поставив на место незваных гостей,

продолжил: – Что касается вас, дамы и господа, вам будет полезно узнать, что моя работа – выяснить, кто из вас виновен в убийстве, и доказать это. К сожалению, у нас нет такой возможности, поскольку двое из восьми нужных мне лиц – мисс Шеферд и мистер Саварезе – не пришли. Мне сказали, что у мистера Саварезе уже была назначена встреча, а мисс Шеферд проявила явное нежелание, о причине которого мне хотелось бы узнать чуть подробнее.

– Она просто наглая маленькая балаболка. – Тулли Стронг снял очки и, нахмурившись, уставился на Вулфа.

– Настоящая заноза в заднице, – уточнил Билл Медоуз.

Все улыбнулись, кто-то нервно, кто-то искренне.

– Я ее сюда особо и не звала, – объяснила Дебора Коппел. – Она все равно бы пришла, только если бы ее попросила лично мисс Фрейзер. Я не думала, что это обязательно. Да и вообще, она ненавидит всех остальных.

– Почему?

– По ее мнению, мы не подпускаем ее к мисс Фрейзер.

– И это действительно так?

– Да. Мы пытаемся.

– Надеюсь, ко мне-то вы ее так или иначе подпустите. –

Вулф сжал пальцами подлокотники кресла и вздохнул, надув обтянутый желтой рубашкой живот, видневшийся между жилетом и штанами. – Ну ладно. Хорошего понемножку. Обычно я не люблю, когда меня перебивают, но сейчас хочу сделать исключение. Если вы не согласны с моими словами

или считаете, что я ошибаюсь, сразу же скажите мне об этом. Так, например, дважды в неделю, а может, и чаще, вы сталкиваетесь с проблемой подбора гостей для программы мисс Фрейзер. А это настоящая проблема, потому что вам нужны интересные люди, желательно знаменитые, но при этом готовые подвергнуться публичному унижению, поскольку сам факт их присутствия является своего рода знаком согласия с нелепыми заявлениями мисс Фрейзер и мистера Медоуза относительно рекламируемых ими продуктов. Недавно...

– А что в этом унижительного?

– Они не делают никаких нелепых заявлений!

– Но какое это имеет отношение к тому, за что мы вам платим?

– Вы уже со мной не согласны. – Вулф даже глазом не моргнул. – Я этого и просил. Арчи, будь любезен, запиши, что мистер Трауб и мистер Стронг несогласны. А на протест мистера Оуэна можешь не обращать внимания, так как мое разрешение перебивать на него не распространяется. – Вулф в очередной раз оглядел усевшихся полукругом людей. – Недавно вы решили пригласить в качестве гостя человека, дающего советы по ставкам на скачках. И я не сомневаюсь, что ваши воспоминания насчет того, когда впервые родилась эта гениальная идея, будут различаться.

– Вопрос обсуждался и так и этак в течение года, – сказала Маделин Фрейзер.

– Я всегда был категорически против, – заявил Тулли

Стронг.

– Мистер Стронг нашел это неподобающим, – улыбнулась Дебора Коппел. – По его мнению, наша программа не должна задевать чьих-либо чувств. Что невозможно. Всегда найдется кто-нибудь, кто сочтет, что его чувства задеты.

– Что заставило вас изменить свое мнение, мистер Стронг?

– Две вещи, – ответил секретарь совета спонсоров. – Во-первых, у нас возникла идея попросить аудиторию проголосовать за это. Аудиторию слушателей, естественно. И из четырнадцати тысяч писем девяносто два и шесть десятых процента были «за». Во-вторых, одно из писем было от ассистента профессора кафедры математики Колумбийского университета, предложившего в качестве второго гостя программы себя или другого профессора, разбирающегося в законах средних чисел. Что придаст программе совсем другой ракурс. Однако Нат Трауб как представитель агентства был категорически против.

– Я по-прежнему против, – подал голос Трауб. – И кто меня за это осудит?

– Итак, – Вулф повернулся к Стронгу, – мистер Трауб оказался в гордом одиночестве?

– Верно. Мы двигались вперед. У мисс Вэнс, которая, помимо написания сценариев, занималась исследованиями для программы, имелся список предложений. Я с удивлением обнаружил, впрочем, как и остальные, что только в Нью-

Йорке публикуется более сорока видов прогнозов результатов скачек. Мы ограничились пятью и установили контакты с теми, кто выпускает прогнозы.

Мне следовало предупредить, что в этом кабинете не решено использовать выражение «установить контакты». Но последнее слово было за Вулфом.

– И что, все пятеро были приглашены?

– О нет. Им всем назначили встречи с мисс Фрейзер. Издателям газет, выпускающих подобные прогнозы. Мисс Фрейзер необходимо было выяснить, кого из них можно пустить в эфир, не навредив программе. Окончательное решение оставалось за ней.

– А как были отобраны эти пятеро?

– С помощью научного подхода. Продолжительность их пребывания в бизнесе, качество бумаги и печати, мнение спортивных обозревателей и тому подобное.

– А кто именно разработал этот научный подход? Вы?

– Нет. Ну, я не знаю...

– Научный подход разработала я, – послышался спокойный, уверенный голос.

Элино́р Вэнс. Я усадил ее в кресло, стоявшее возле моего, потому что не только Вулф любит окружать себя тем, что радует глаз. Очевидно, Элино́р так и не удалось выспаться, в связи с чем ей приходилось то и дело стискивать зубы, чтобы откровенно не зевать, однако она оказалась здесь единственным человеком, способным, хотя бы потенциально, напо-

нить мне, что я в первую очередь мужчина, а не детектив. Хотелось бы узнать, как будут выглядеть карие глаза Элинор, когда в один прекрасный день они снова засияют весельем.

Тем временем Элинор продолжила:

– Сперва я отсеяла тех, кто был откровенно непригоден, более половины из них. Затем я обсудила кандидатуры с мисс Коппел, мистером Медоузом и вроде бы кое с кем еще... думаю, с мистером Стронгом... Да, уверена, что с ним. Но ответственность лежала на мне. Я выбрала те пять фамилий.

– И все они пришли побеседовать с мисс Фрейзер?

– Четверо из них. Одного не было в городе. Уехал во Флориду.

Вулф бросил взгляд налево:

– И вы, мисс Фрейзер, из четверых выбрали мистера Сирила Орчарда?

– Да, – сдержанно кивнула мисс Фрейзер.

– Ну и как вы это сделали? Используя научный подход?

– Нет. – Она улыбнулась. – Мне чужд научный подход.

Орчард показался мне умным, из четверых у него был самый красивый голос, он лучше всех говорил, и мне понравилось название его газеты «Ипподром». И вообще, полагаю, я проявила излишний снобизм. Подписка на его издание была самой дорогой. Десять долларов в неделю.

– Значит, вы выбрали Сирила Орчарда, руководствуясь именно этими соображениями?

– Да.

– И когда он пришел к вам вместе с другими тремя, вы увидели его впервые? Вы никогда прежде не слышали о нем?

– Я не видела его, но, естественно, слышала о нем и видела его газету.

– О? – Вулф прикрыл глаза. – Неужели?

– Да, примерно за месяц до того, а может, и больше. А когда снова возник вопрос о том, чтобы пригласить на программу «жучка», я подписалась на некоторые издания подобного толка – три или четыре, – чтобы понять, на что это похоже. Под чужим именем, естественно. Подобные вещи делаются под именем моего менеджера мисс Коппел. И одним из них оказался та самая газета «Ипподром».

– Но почему вы выбрали именно это издание?

– Боже мой, откуда мне знать! – В глазах Маделин Фрейзер промелькнуло раздражение. – Дебби, ты помнишь? – (Дебора покачала головой.) – По-моему, мы кому-то звонили.

– В Нью-Йоркскую комиссию по скачкам, – саркастически заметил Билл Медоуз.

– Ну ладно. – Вулф, наклонившись вперед, нажал на кнопку на письменном столе. – Я собираюсь выпить пива. Кого-нибудь еще мучает жажда?

Они явно нуждались в антракте. Ранее все они отказались от моего предложения чего-нибудь выпить, но сейчас дружно ответили утвердительно, и я занялся предусмотритель-

но накрытым столом у противоположной стены. Двое из наших гостей, присоединившись к Вулфу, предпочли выпить пива, которое принес Фриц, остальные выбрали напитки по своему вкусу. Я предложил Вулфу поставить на видное место ящик «Старлайта», но Вулф лишь презрительно фыркнул. В таких случаях он всегда настаивал на красном вине и охлажденном белом. Обычно вино не пользовалось спросом, но на сей раз мисс Коппел и Натан Трауб остановились на «Монтраше», и, поскольку мне нравилось, как это вино ударяет в голову, я тоже решил к нему приложиться. Должен заметить, что, когда в кабинете угощаешь алкоголем разношерстную компанию пришедших по делу людей, возникает лишь одна небольшая проблема. По моему непросвещенному мнению, мы имеем полное право отнести расходы на счет клиентов, но Вулф с этим категорически не согласен, так как считает себя обязанным платить за все, что едят или пьют в его доме. Еще одна эксцентричная черта его характера. И он настаивает на том, что посетители должны иметь под рукой подставки или столики для напитков.

Столики я тоже принес.

Глава 6

Вулф, для которого первая бутылка пива была только прелюдией, налил в стакан из второй бутылки и, поставив ее на стол, откинулся на спинку кресла.

– Меня сейчас интересует, – продолжил он доверительным тоном, – именно то, как конкретная личность, мистер Сирил Орчард, стал гостем программы. Судя по газетным статьям, никто из вас, включая мисс Шеферд и мистера Савареze, раньше и слыхом не слыхивал о Сириле Орчарде. Однако его убили. Позже я обсужу это с каждым по отдельности, но сейчас хочу обратиться ко всем вам: кто-нибудь из вас когда-нибудь имел дело с Сирилом Орчардом или знал его до появления в программе? Я имею в виду что-то, отличное от того, о чем мы уже говорили.

На что присутствующие, начиная с Маделин Фрейзер, сказали твердое «нет» или покачали головой.

– Полагаю, – продолжил Вулф, – полиция не нашла никаких противоречий в этих ваших «нет», потому что иначе вы вряд ли были бы настолько глупы, чтобы продолжать упорствовать здесь со мной. Если бы я не знал, что полиция вот уже семь дней и ночей землю носом роет, то, наверное, выбрал бы другой подход. Вы у полиции под колпаком. Они обладают специальной подготовкой и определенными способностями, а главное – властью. Их тысяча человек... а скорее,

двадцать тысяч. Вопрос только в том, подходят ли используемые ими методы для выполнения данной работы. Ну а я могу использовать лишь собственные. – Вулф глотнул пива, вытер губы платком и снова откинулся на спинку кресла. – Но я должен знать, что произошло... причем не из газет, а именно от вас. Представьте, что вы в студии радиовещания во вторник утром. Если считать от сегодняшнего дня, то ровно неделю назад. Прибыли двое гостей – мистер Сирил Орчард и профессор Саварезе. На часах без четверти одиннадцать. Вы за столом с микрофонами или возле него. С одной стороны узкого стола сидят мисс Фрейзер и профессор Саварезе; напротив них – мистер Орчард и мистер Медоуз. Проверяется уровень звука. Примерно в двадцати футах от стола находится первый ряд стульев для аудитории. Аудитория насчитывает примерно двести человек, в основном женщин, большинство из которых, как преданные поклонницы мисс Фрейзер, часто присутствуют на программе. Итак, я верно все обрисовал? Не почти верно, а действительно верно?

Присутствующие дружно кивнули.

– Да, все верно, – подтвердил Билл Медоуз.

– Многие из них, – заметила Фрейзер, – приходили бы даже чаще, если бы могли достать билеты. У нас всегда вдвое больше желающих получить билеты, чем мы способны обеспечить.

– Кто бы сомневался. – Вулф явно проявил завидную выдержку, не сказав Маделин Фрейзер, насколько она опасна. –

Но те, кто хотел попасть в студию, но не мог получить билеты, нас не интересуют. Существенный элемент картинки, который я пока не назвал, по-прежнему остается невидимым. За закрытой дверью холодильника у стены находятся восемь бутылок «Старлайта». Как они туда попали?

Ответ, озвученный Фредом Оуэном, пришел со стороны дивана:

– Мы всегда держим в студии три-четыре ящика, в запортом шка... .

– С вашего позволения, мистер Оуэн. – Вулф погрозил ему пальцем. – Я хочу по возможности услышать голоса этих шести человек.

– Бутылки находились в студии, – сказал Тулли Стронг. – В шкафу. Шкаф был заперт, поскольку в противном случае они там недолго простояли бы.

– Кто вынул восемь бутылок из шкафа и положил в холодильник?

– Я, – подала голос Элинор Вэнс, и я, оторвавшись от блокнота, снова посмотрел в ее сторону. – Это входит в мои обязанности во время каждого эфира.

Проблема Элинор Вэнс, подумал я, в том, что она слишком много работает. Сценарист, исследователь, барменша... Кто еще?

– Невозможно за один раз унести восемь бутылок, – заметил Вулф.

– Конечно невозможно. Поэтому я взяла четыре. А потом

вернулась за оставшимися четырьмя.

– Оставив шкаф открытым... Нет. – Вулф остановился. – Эти тонкости могут подождать. – Он снова обвел глазами сидящих перед ним людей. – Итак, бутылки пока в холодильнике. Кстати, насколько я понимаю, присутствие всех вас во время эфира было обычным делом. За исключением одного человека. Вас, мистер Трауб. Вы очень редко приходили на передачу. Что привело вас туда в тот...

– Потому что я чувствовал себя не в своей тарелке, мистер Вулф. – Хотя в Трауба ткнули пальцем, он ничем не выдал своего недовольства: его рекламная улыбка оставалась прежней, так же как и хорошо поставленный низкий голос. – Я считал и продолжаю считать, что приглашать в программу человека, торгующего информацией о скачках, было ошибкой. А потому хотел на всякий случай находиться неподалеку.

– Вы считали, что от мистера Орчарда можно было ожидать чего угодно, так?

– Я вообще ничего не знал о мистере Орчарде. Но находил эту идею отвратительной.

– Если вы имеете в виду всю идею программы, я согласен... но сейчас это отнюдь не то, что мы пытаемся выяснить. Давайте вернемся к тому эфиру. Во-первых, давайте попробуем получить еще один фрагмент общей картинки. Где стоят стаканы, из которых они собираются пить?

– На подносе на краю стола, – ответила Дебора Коппел.

– На краю стола с микрофонами?

– Да.

– Кто их туда поставил?

– Та девчонка. Нэнсили Шеферд. Единственный способ заставить Нэнсили держаться в стороне – это ее связать. Или не впускать внутрь, чего мисс Фрейзер никогда не позволит. Нэнсили организовала самый большой клуб поклонниц Маделин Фрейзер в стране. Итак, мы...

И тут зазвонил телефон. Я взял трубку и что-то пробормотал.

– Мистер Кремень, – сообщил я Вулфу, используя одно из своих пятнадцати прозвищ для звонившего.

Вулф прижал трубку к уху, дав мне знак оставаться на линии.

– Слушаю вас, мистер Кремер.

Саркастический голос Кремера звучал так, будто у него во рту была сигара, впрочем, как и всегда.

– Ну как, мало-помалу продвигаетесь?

– Очень медленно. Еще даже не начали.

– Это плохо. Ведь за дело Орчарда вам не платят. По крайней мере, вчера вы мне так говорили.

– А сейчас уже сегодня. Вы все узнаете из завтрашних газет. Прошу прощения, мистер Кремер, но я занят.

– Конечно заняты, судя по полученным мной донесениям.

И кто из них ваш клиент?

– Узнаете из газет.

– Нет никакой причины. . .

– Причина есть. Потому что я крайне занят и отстаю от вас ровно на неделю. До свидания, сэр.

Резкий тон Вулфа и то, как он швырнул трубку, явно произвело впечатление на непрошенных гостей.

Мистер Уолтер Б. Андерсон, президент «Старлайта», пожелал узнать, не с инспектором ли полиции Кремером беседовал Вулф, и, получив утвердительный ответ, вспыхнул благородным негодованием. По его мнению, Вулфу не следовало грубить инспектору. Плохая тактика и плохие манеры. Вулф, даже не потрудившись вынуть из ножен меч, лишь отмахнулся от Андерсона, сказав ему пару ласковых, но Андерсон решил взять его за горло. Он еще не подписал соглашения, сказал Андерсон, и если Вулф не изменит своего отношения к делу, то, возможно, и не подпишет.

– Что ж. – Брови Вулфа поднялись на одну шестнадцатую дюйма. – Тогда советую вам прямо сейчас известить прессу. Хотите воспользоваться телефоном?

– Ей-богу, с превеликим удовольствием. Я имею право. . .

– Мистер Андерсон, здесь у вас нет никаких прав, кроме права заплатить мне вашу часть гонорара, если я его заработаю. Вы здесь исключительно с моего молчаливого согласия. Проклятье! Я собираюсь раскрыть дело, которое настолько озадачило мистера Кремера, что он нуждается хоть в какой-нибудь подсказке с моей стороны, а ведь я еще даже не приступил. Его не волнует моя грубость. Он настолько к

ней привык, что если бы я проявил любезность, то привлек бы меня к ответу в качестве свидетеля. Так вам нужен телефон или нет?

– Черт, вы не хуже моего знаете, что нет!

– А жаль. Чем лучше я вижу всю картинку, тем меньше она мне нравится. – Вулф подошел к сидевшим полукругом кандидатам. – Мисс Коппел, так вы утверждаете, что именно эта юная хлопотунья, мисс Шеферд, поставила поднос со стаканами на стол?

– Да, она...

– Она взяла стаканы у меня, – сказала Элинор Вэнс, – когда я достала их из шкафа. Она стояла рядом и протягивала руку, и я позволила ей взять поднос.

– Возле запертого шкафа, где хранился «Старлайт»?

– Да.

– Стаканы тяжелые, темно-синие, непрозрачные, не позволяющие разглядеть их содержимое, так?

– Да.

– И вы не заглядывали внутрь?

– Нет.

– Если бы в одном из них находилось нечто инородное, вы бы это заметили?

– Нет, – в очередной раз ответила Элинор, после чего добавила: – Если вы находите мои ответы слишком лаконичными и поспешными, то могу сказать, что я уже отвечала на все эти вопросы и многие другие тоже, причем раз сто, не

меньше. Я могу ответить на них даже во сне.

– Охотно верю, – кивнул Вулф. – Итак, бутылки в холодильнике, стаканы – на столе, программа – в эфире. Сорок минут все шло гладко. Оба гостя оказались на высоте. Опасения мистера Трауба не сбылись.

– Это была одна из лучших передач года, – заметила мисс Фрейзер.

– Исключительная, – подал голос Тулли Стронг. – Первые полчаса в студии тридцать два раза возникал смех.

– А как вам вторая половина передачи? – язвительно поинтересовался Трауб.

– Мы к этому и собираемся подойти, – вздохнул Вулф. – Ладно, вот мы и здесь. Наступает момент, когда нужно, разлив по стаканам «Старлайт», начать расточать похвалы этому напитку. Кто принес бутылки из холодильника? Опять вы, мисс Вэнс?

– Нет. Это был я, – сказал Билл Медоуз. – Это часть шоу. Для микрофонов. Я отодвигаю стул, иду к холодильнику, открываю дверцу, закрываю ее и возвращаюсь с бутылками. Потом кто-то еще...

– В холодильнике было восемь бутылок. И сколько вы взяли?

– Четыре.

– А как вы решали, какие именно взять?

– Никак. Я всегда беру передние четыре. Вы ведь понимаете, что все бутылки «Старлайта» абсолютно одинаковые.

Невозможно отличить одну от другой. Как я мог что-то решать?

– Трудно сказать. Но в любом случае вы этого не делали, да?

– Да. Как я уже говорил, я просто взял четыре ближайшие бутылки. Что вполне естественно.

– Не буду спорить. Итак, вы отнесли бутылки на стол и открыли их, да?

– Да, я поставил бутылки на стол, а вот насчет того, кто их открыл, мнения разделились. Однако мы решили, что я этого не делал, поскольку, как всегда, поставил бутылки на стол и снова сел в кресло, очень быстро, чтобы взять микрофон. Бутылки всегда откупоривает кто-то другой, причем совершенно необязательно один и тот же человек. И тогда Дебби... мисс Коппел стояла возле стола, и мисс Вэнс, и Стронг, и Трауб. Я был у микрофона и не видел, кто открывал бутылки. Все нужно делать очень оперативно, а потому лишние руки никогда не помешают, поскольку нужно откупорить бутылки, разлить напиток, разнести стаканы... ну и бутылки тоже.

– Кто разносит стаканы?

– Ой, кто-то там. Чаще всего не один, а несколько человек.

– Кто разливал напитки и разносил стаканы в тот день?

Билл Медоуз заколебался.

– Мы не пришли к общему мнению. – Билл Медоуз явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Как я уже сказал, там

были все... И мисс Коппел, и мисс Вэнс, и Стронг, и Трауб. Вот потому-то мы немного растеряны.

– Как бы вы ни были растеряны, – не выдержал Вулф, – не так уж сложно вспомнить, как обстояло дело. Не бином Ньютона. Потому что сейчас для нас самое главное выяснить именно эту деталь. Мы знаем, что мистер Орчард получил бутылку и стакан с цианидом, поскольку он выпил достаточно, чтобы умереть. Однако мы не знаем, по крайней мере лично я, стал он жертвой неудачного стечения обстоятельств или преднамеренных действий кого-то одного или нескольких из присутствующих. Совершенно очевидно, что это в высшей степени существенный момент. Кто-то поставил перед мистером Орчардом стакан и бутылку... не вы и не вы, но кто-то из вас. Так кто поставил перед ним стакан и бутылку?

Вулф обвел взглядом сидевших перед ним людей. Никто не опустил глаза. Им нечего было ему сообщить, но ни у кого не возникло желания отвернуться. Наконец Тулли Стронг, снова надев очки, нарушил молчание:

– Мистер Вулф, мы просто не помним.

– Вздор! – рассердился Вулф. – Конечно помните. Неудивительно, что мистер Кремер зашел в тупик. Вы лжете. Каждый из вас.

– Нет, – возразила мисс Фрейзер. – На самом деле они вовсе не лгут.

– Вы выбрали неверное местоимение, – огрызнулся Вулф. – Мое замечание касается и вас тоже, мисс Фрейзер.

Она мило улыбнулась Вулфу:

– Можете включить меня в список подозреваемых, если хотите, но я этого не совершала. Дело вот в чем. Эти люди связаны друг с другом не только работой в моей программе. Они друзья. Конечно, и у них бывают разногласия. Если двое людей постоянно вместе, то неизбежно возникают трения, что уж тогда говорить о пяти или шести, но они друзья, и они любят друг друга. – Безупречные паузы и модуляции голоса, словно мисс Фрейзер была в прямом эфире. – Это ужасная вещь, жуткая вещь, мы сразу поняли, как только доктор, посмотрев на него, велел ни к чему не прикасаться и не покидать помещение. Так неужели вы рассчитываете, что кто-то из них или, поскольку вы включили в список подозреваемых и меня, что кто-то из нас скажет: да, я дал Орчарду стакан с ядом?

– То, что оставалось в бутылке было тоже отравлено.

– Ну ладно, и бутылку тоже. Или вы ожидали, что кто-то из нас скажет: да, я видел, как мой друг дал ему стакан и бутылку? И назовет имя друга?

– Выходит, вы со мной согласны. Вы все лжете.

– Вовсе нет. – Мисс Фрейзер теперь было явно не до улыбок. – Разливать и передавать стаканы и бутылки дальше для нас самое обычное дело, а значит, нам ни к чему было обращать внимание на детали, чтобы сохранить их в памяти. Потом шок, смятение, прибытие полиции, нервное напряжение. Конечно, мы ничего не запомнили. Ничего уди-

вительного. Лично меня скорее удивило бы, если бы кто-нибудь и в самом деле запомнил детали. Например, если бы мистер Трауб взялся утверждать, будто именно мистер Стронг поставил стакан и бутылку перед мистером Орчардом. Что лишь свидетельствовало бы о личной неприязни, которую мистер Трауб испытывает к мистеру Стронгу. Вот это меня действительно удивило бы, поскольку я не верю, что один из нас может кого-то до такой степени ненавидеть.

– Или, – сухо произнес Вулф, – что один из вас ненавидел мистера Орчарда и хотел его убить.

– Кому, ради всего святого, нужно было убивать этого мужчину?!

– Я не знаю. Меня для того и наняли, чтобы это узнать. Если, конечно, считать, что отравка попала по назначению. Вы сказали, что не удивлены, а вот я удивлен. Удивлен, что полиция до сих пор не посадила всех вас за решетку.

– Черт, они почти это сделали! – мрачно бросил Трауб.

– Я действительно верила, что меня арестуют, – объявила Маделин Фрейзер. – Ни о чем другом не могла думать, когда доктор сказал «цианид». Ни о том, кто дал ему стакан и бутылку, ни о том, как это отразится на моей программе, а только о смерти своего мужа. Он умер, отравившись цианидом, шесть лет назад.

– Газеты не обошли сей факт своим вниманием, – заметил Вулф. – Это первое, что пришло вам в голову?

– Да, когда я услышала, как доктор сказал «цианид». По-

лагаю, вы не поймете... а возможно, все-таки поймете... но это действительно так.

– Мне это тоже пришло на ум, – вмешалась в разговор Дебора Коппел, решительно отменяя любые возникшие подозрения. – Мисс Фрейзер была замужем за моим покойным братом. Я видела тело брата сразу после того, как он умер. А потом в тот роковой день я увидела Сирила Орчарда и... – Дебора Коппел замолчала, повернувшись ко мне в профиль. Я не мог уловить выражения ее глаз, но зато хорошо разглядел ее судорожно сжатые руки. Наконец после секундной паузы она продолжила: – Да, у меня сразу возникла такая мысль.

Вулф нетерпеливо заерзал в кресле.

– Не стану делать вид, будто меня удивляет, что такие близкие подруги не могут вспомнить, как все было на самом деле! Если бы вы все вспомнили и дали показания в полиции, я вряд ли получил бы эту работу. – Вулф бросил взгляд на настенные часы. – Уже начало двенадцатого. Я предвидел, что мало чего добьюсь, собрав вас всех у себя, но сейчас понимаю, что это в принципе гиблое дело. Вы друг друга выгораживаете. Мы лишь впустую потратили время. И я здесь не узнал ничего, вообще ничего, чего бы уже не выяснил из газет. Возможно, у меня ничего не получится, но я твердо намерен хотя бы попытаться. Кто из вас согласится остаться со мной на ночь? Конечно, не на всю ночь, а на четыре-пять часов. Мне понадобится провести именно столько времени,

чуть больше или чуть меньше, с каждым из вас, и я желал бы начать прямо сейчас. Кто из вас остается?

Желающих не нашлось.

– Боже мой! – возмутилась Элинон Вэнс. – Ну вот, снова здорово.

– Мои клиенты, – сказал Вулф, – это ваш босс, ваша радиовещательная сеть и ваши спонсоры. Мистер Медоуз?

– Мне нужно отвезти мисс Фрейзер домой, – возразил Билл. – Но я могу вернуться.

– Я готов ее отвезти, – вызвался Тулли Стронг.

– Это глупо, – отмахнулась Дебора Коппел. – Я живу всего в квартале отсюда, и мы доедем в одном такси.

– Давайте я поеду, – предложила Элинон Вэнс. – Высажу мисс Фрейзер у ее дома – и к себе, на окраину.

– Нет, с ней поеду я, – продолжал настаивать Тулли Стронг.

– Но вы же живете в Гринвич-Виллидже!

– Положитесь на меня! – заупрямился Билл Медоуз. – Я вернусь буквально через двадцать минут. Слава богу, завтра среда.

– Все это совершенно необязательно, – положил конец спорам президент «Старлайта», поднялся с дивана, оказавшись в окружении вскочивших с места кандидатов. – Моя машина на улице, и я могу отвезти всех, кто едет в город. Ну а вы, Медоуз, оставайтесь с Вулфом. – Он повернулся и подошел к письменному столу. – Мистер Вулф, сегодня ве-

чером я не был особо впечатлен. Отнюдь не впечатлен.

– Так же, как и я, – согласился Вулф. – Жуткое зрелище. Я предпочел бы уйти, но мы с вами повязаны этим сообщением для прессы. – Увидев, что кое-кто уже направился к выходу, Вулф поднял голос: – С вашего позволения? Секундочку. Я хотел бы договориться о следующих встречах. Итак, один из вас придет завтра для разговора с одиннадцати до тринадцати часов, другой – с четырнадцати до шестнадцати, еще один – с двадцати тридцати до полуночи. Ну и, наконец, последний – после полуночи. Прежде чем вы покинете этот дом, давайте сразу договоримся.

Так они и сделали, с моей помощью, разумеется, после чего я записал информацию о принятых договоренностях в блокнот. Это потребовало некоторого обсуждения, но они были такими хорошими друзьями, что даже не поссорились.

Единственной вещью, подпортившей прощание, была шпилька Оуэна в мой адрес насчет того, что он не заметил на лице Вулфа ни следов пореза, ни пластыря. Хотя мог бы проявить больше такта, оставив все как есть.

– Я ничего не говорил насчет его лица, – парировал я. – Я лишь сказал, что он порезался во время бритья. Вулф брил ноги. Вы ведь хотели, чтобы он фотографировался в килте.

Оуэн настолько оскорбился, что даже потерял дар речи. Похоже, у этого человека вообще нет чувства юмора.

Когда остальные отчалили, Билл Медоуз был удостоен чести сесть в красное кожаное кресло.

Я поставил на низенький столик возле кресла наполненный стакан, а Фриц – поднос с тремя сэндвичами: один – с паштетом из кролика, второй – с отварной солониной и третий – с деревенской ветчиной из Джорджии. На свой письменный стол я поставил рядом с блокнотом тарелку с такими же сэндвичами, как у Билла, кувшин с молоком и стакан. Вулф ограничился пивом. Он никогда не ест в промежутке между обедом и завтраком. В противном случае он не мог бы уверять нас в том, будто за пять лет совсем не прибавил в весе, что в любом случае не соответствует действительности.

С одной стороны, даже интересно наблюдать, как Вулф устраивает доскональный допрос мужчине или, допустим, женщине, хотя с другой – иногда это может жутко раздражать. Когда он, не сворачивая, идет к цели и незаметно подбирается к жертве, стараясь ничем ее не насторожить, смотреть на это одно удовольствие. Но иногда он сам не знает, чего хочет, или ты не знаешь, чего он хочет, и он все тычет наугад то в одно, то в другое место, возвращаясь к первому пробному уколу, и ты прекрасно видишь, что это путь в никуда, а часы проходят, сэндвичи давно съедены, молоко выпито, и тебе лень прикрывать рукой зевоту, не говоря уже о том, чтобы ее подавлять.

Итак, если в среду, в четыре часа утра, Вулф снова заведет шарманку о контактах Билла Медоуза с любителями делать ставки на бегах, или о привычных темах его разговоров с интересующими нас людьми, помимо обсуждения узкопро-

фессиональных вопросов, или о том, как Билл попал на радиостанцию и нравится ли ему его работа, я либо швырну в Вулфа блокнот, либо отправлюсь на кухню за новым кувшином с молоком. Однако Вулф больше не стал переливать из пустого в порожнее. Он отодвинул кресло и с трудом поднялся на ноги. Если кому-нибудь захочется узнать, что записано в моем блокноте, он может прийти ко мне в любое время, когда я буду свободен, и я ему все прочту – доллар за страницу, – но это будут деньги на ветер.

Итак, я проводил Билла до двери. Когда я вернулся в кабинет, Фриц уже наводил там порядок. Он никогда не ложится в постель раньше Вулфа.

– Арчи, солонина была достаточно сочной? – спросил меня Фриц.

– Боже правый! – воскликнул я. – Неужели ты думаешь, что у меня такая хорошая память? Это было целую вечность назад. – Покрутив ручку сейфа, я сказал Вулфу: – Похоже, мы по-прежнему топчемся в падаке и даже не вышли на стартовую отметку. Кого желаете видеть утром? Сола и Орри, Фреда и Джонни? А зачем? Почему бы не отправить их следить за мистером Андерсоном?

– Я не собираюсь тратить деньги, пока не пойму, что именно хочу купить, – мрачно произнес Вулф. – Даже деньги наших клиентов. Если можно установить отравителя таким простым способом, как проверка продаж цианистого калия или источников их получения, тогда это уже компетенция

мистера Кремера с его двадцатью тысячами человек. Наверняка они уже предприняли все возможное в этом направлении, так же как и во многих других, а иначе Кремер не звонил бы мне, призывая о помощи. Единственный человек, которого я хотел бы видеть утром... Кто это? Кто приходит в одиннадцать?

– Дебби. Мисс Коппел.

– Пожалуй, нам стоило начать с мужчин, на случай если удастся получить результат, прежде чем мы доберемся до женщин. – Вулф открыл дверь в коридор. – Спокойной ночи.

Глава 7

Если тридцать три часа спустя в четверг, во время ланча, кому-нибудь захотелось бы узнать, как продвигается дело, он вполне мог бы удовлетворить свое любопытство, заглянув в столовую и проследив за поведением Вулфа во время дневной трапезы, состоявшей из кукурузных фриттеров с осенним медом, сосисок и миски салата. Вулф, который во время еды всегда отличался экспансивностью, разговорчивостью и благодушием, сегодня казался мрачным, надутым и сварливым. Фриц был явно обеспокоен.

В среду с одиннадцати до часу дня мы развлекали мисс Коппел, с двух до четырех – мисс Фрейзер, с половины девятого вечера до начала двенадцатого – мисс Вэнс, начиная с полуночи – Натана Трауба и, наконец, в четверг с одиннадцати утра и до ланча – Тулли Стронга.

Итак, мы имели сотни исписанных ерундой страниц блокнота.

Пробелы, конечно, были заполнены. Но только чем? Билл Медоуз и Нат Трауб признались в том, что часто делают ставки на бегах, Элинор Вэнс – в том, что ее брат работал гальванотехником и часто использовал материалы, содержавшие цианид.

Маделин Фрейзер призналась, что ей трудно поверить, будто кто-то мог положить яд в одну из бутылок, не беспоко-

ьясь о том, кому из четверых участников программы она достанется. Тулли Стронг признался, что полиция обнаружила его отпечатки на всех четырех бутылках. Он объяснил это тем, что, пока доктор, стоя на коленях, осматривал тело Сирила Орчарда, он, Стронг, переживал за бутылки со «Старлайтом», то есть с продуктом самого важного спонсора совета. Поэтому Стронг в панике схватил все четыре бутылки с идиотским намерением убрать их подальше, но мисс Фрейзер и Трауб забрали у него бутылки, вернув их на стол. Это было исключительно полезное признание, объяснявшее, почему копы, сняв отпечатки с бутылок, абсолютно никуда не продвинулись.

Дебора Коппел призналась, что располагает обширной информацией о цианидах, их использовании, воздействии, симптомах, дозах и доступности, так как изучала вопрос после смерти брата шесть лет назад. Во время всех этих встреч Вулф только два раза продемонстрировал излишнюю въедливость, задавая вопросы о смерти Лоренса Коппела: сперва его сестре Деборе, а затем – его вдове Маделин Фрейзер. Конечно, подробности того старого дела, также связанного с цианидом, с удовольствием обсуждались газетчиками всю прошлую неделю, причем один из таблоидов даже зашел так далеко, что привел мнение эксперта, поднявшего вопрос, было ли это самоубийством, хотя за все шесть лет ни у кого не возникало и тени сомнения по этому поводу.

Однако Вулф проявил особую въедливость по поводу со-

всем другого аспекта. Лоренс Коппел умер у себя дома в маленьком городке Флитвилл, штат Мичиган, и Вулфа интересовало именно то, жил во Флитвилле или его окрестностях кто-то, носивший фамилию Орчард, или имевший родственников с такой фамилией, или поменявший свою прежнюю фамилию на Орчард. Уж не знаю, почему он счел это удачной мыслью, однако он обкатал ее со всех сторон, периодически возвращаясь к ней, чтобы обсосать до конца. Вулф так долго обсуждал данную тему с Маделин Фрейзер, что, когда часы показали четыре дня, время свидания с орхидеями, он не успел задать ей ни одного вопроса по поводу скачек.

Однако интервью с этой пятеркой было далеко не всем, что произошло в тот день, в ту ночь и на следующее утро. Мы с Вулфом обсудили все многочисленные способы, которыми мотивированный и умный человек может заполучить цианид, а также свободный доступ к бутылкам в холодильнике в студии и целесообразность попыток заставить инспектора Кремера или сержанта Пэрли Стеббинса поделиться информацией, например, о таких вещах, как отпечатки пальцев. Но в результате продвинулись не дальше, чем после опроса подозреваемых. Затем последовали звонки от Кремера, Лона Коэна и многих других; ну и наконец, обсуждение деталей визита профессора Ф. О. Саварезе.

Среди прочего обсуждалась и организация визита Нэнси-ли Шеферд, однако тут мы временно оказались в тупике. Мы знали о ней все: ей исполнилось шестнадцать лет, она жила

с родителями в Бронксе, Уиксли-авеню, 829, у нее были белокурые волосы и серые глаза, ее отец работал на товарном складе. У них дома не имелось телефона, и поэтому в среду в четыре часа дня, когда мисс Фрейзер ушла, а Вулф поднялся в оранжерею к своим растениям, я вывел машину из гаража и отправился в Бронкс. В многоквартирном доме номер 829 по Уиксли-авеню люди жили не потому, что им это нравилось, а потому, что так получилось. Дому должно было быть стыдно за себя, и он наверняка краснел от стыда. Я нажал на кнопку звонка на двери с надписью «Шеферд», но звонок даже не звякнул. Тогда я спустился в полуподвальный этаж, где откопал привратника. Он был вполне под стать дому. Привратник сказал, что я здорово опоздал, если рассчитывал добиться результата, нажимая на кнопку звонка на двери с фамилией Шеферд. Вот так и сказал. Они исчезли три дня назад. Нет, не вся семья. Только миссис Шеферд с дочкой. Он не знает, куда они подевались. Соседи тоже не в курсе. Некоторые думают, что они сбежали, а некоторые – что их забрали копы. Лично он считает, что они уже на том свете. Нет, только не мистер Шеферд. Он каждый день возвращается домой с работы, чуть позже пяти, а утром уходит в половине седьмого.

Так как на часах было без десяти пять, я предложил этой скотине бакс за то, чтобы он подежурил перед домом и дал мне знать, когда появится Шеферд, и, судя по его загоревшимся глазам, потратил впустую по крайней мере пятьдесят

центов из денег наших клиентов.

Ожидание оказалось недолгим. А когда появился Шеферд, я понял, что совершенно напрасно оторвал привратника от работы, поскольку мне было бы вполне достаточно даже примерного описания внешности Шеферда от линии волос до надбровных дуг и дальше до кончика подбородка. Поскольку тот, кто лепит такие лица, напрочь лишен чувства пропорциональности. Когда Шеферд уже собрался было войти в парадную, я загородил ему путь и спросил с едва заметной снисходительной ноткой в голосе:

– Мистер Шеферд?

– Убирайся! – рявкнул он.

– Моя фамилия Гудвин, и я работаю на мисс Маделин Фрейзер. Насколько я понимаю, ваши жена и дочь...

– Убирайся!

Он до меня даже пальцем не дотронулся, не толкнул плечом, и я ума не приложу, как ему удалось так легко проскочить в парадную и вставить ключ в замок. Конечно, в запасе у меня имелась дюжина возможных вариантов. Можно было взять его за шкуру или двинуть ему в челюсть, что позволило бы выпустить пар, не дав, однако, добиться искомого результата. Было ясно как день, что, будучи в здравом уме и трезвой памяти, он не скажет мне, где сейчас Нэнсили, а в бессознательном состоянии просто-напросто не сможет этого сделать. И я сдался.

Я вернулся на Тридцать пятую улицу, припарковался у

тротуара, вошел в кабинет и набрал номер Маделин Фрейзер. К телефону подошла Дебора Коппел, и я спросил:

– Ребята, а вы знали, что Нэнсили уехала из дома? – (Она сказала, что да, знали.) – Но вы не упомянули об этом, когда были у нас этим утром. Так же, как и мисс Фрейзер сегодня днем.

– Не было повода. Нас же об этом не спрашивали.

– Вас спрашивали о Нэнсили. Причем вас обеих.

– Но не о том, уехала ли она из дома и где она теперь.

– Тогда я спрошу вас прямо сейчас. Где она?

– Не знаю.

– А мисс Фрейзер?

– Тоже. Никто из нас не знает.

– Но откуда вам известно, что она покинула город?

– Она позвонила мисс Фрейзер и сказала, что уезжает.

– И когда это было?

– Это было... это было в воскресенье.

– И она не сказала, куда едет?

– Нет.

Самое большее, что мне удалось из нее вытянуть. Расстроенный, я положил трубку, после чего сел и обдумал ситуацию. Конечно, имелся некоторый шанс, что Пэрли Стеббинс из убойного отдела кинет мне кость, поскольку Кремер иногда с нами делился, но, если я попрошу об этом Стеббинса, он наверняка захочет поторговаться, а мне было нечего ему предложить. Итак, когда я снова потянулся к телефону, то

набрал номер не Стеббинса, а Лона Козна из «Газетт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.